

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Любовь
мексиканского
сыщика

ЭКСМО

Частный сыщик Василий Куликов

Наталья Александрова

Любовь мексиканского сыщика

«ЭКСМО»

2011

Александрова Н. Н.

Любовь мексиканского сыщика / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2011 — (Частный сыщик Василий Куликов)

ISBN 978-5-699-51215-7

Обычно разгневанные жены лично являются в детективное агентство и просят застукать загулявшего мужа на месте «преступления». А вот к Василисе Селезневой и ее шефу дяде Васе почему-то прибежала не сама обманутая супруга, а ее сестра Лиза! Она прямо-таки горела желанием уличить и наказать коварного изменника Аркадия, и это сразу насторожило сыщиков. Но работа есть работа – дядя Вася быстро засек голубков и сделал пикантные фотографии. А на следующий день обнаружилось: любовница Аркадия убита прямо в своем офисе, а на месте преступления валяется один из снимков, сделанных накануне дядей Васей!

ISBN 978-5-699-51215-7

© Александрова Н. Н., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	34
-----------------------------------	----

Наталья Александрова

Любовь мексиканского сыщика

– Василиса, у тебя мобильник заливается! – крикнула мне маникюрша Люся.

– Ой! – Я дернулась, и тут же мастер шикнула:

– Сидеть смирно! А не то лицо измажу, потом не оттереть!

Она сама нашла в сумке мой мобильник и дала в руки. Я не стала прижимать его к уху, чтобы не замазать краской, стекающей с волос, и все равно слышно было отлично. Дядя Вася почему-то всегда разговаривает по телефону ужасно громко, как будто не верит в технику и хочет докричаться до меня напрямую.

– Василиса, где ты ходишь? – вопрошал он.

Вот интересно, сам же отпустил меня сегодня с утра в парикмахерскую! Не прошло и часа, как я ему понадобилась! Нет, пора потребовать у него прибавки!

Дядя Вася – а если полностью, Василий Макарович Куликов – является моим непосредственным шефом. Или, если угодно, партнером. Мы с ним на пару содержим детективное агентство. То есть содержит, конечно, он, он – владелец, хозяин, начальник оперативного отдела и по совместительству главный детектив, а я – бухгалтер, секретарь, делопроизводитель, в общем, как раньше говорили – прислуга за все. А если по-простому, то девочка на побегушках – пойди-подай-принеси. Причем чаще всего пойди – не знаю куда, а принеси – не знаю что.

Гражданин судья, последнюю фразу прошу вычеркнуть из протокола, подумала я ее просто из вредности, потому что дядя Вася – начальник не противный и в деле своем понимает очень даже хорошо, так что пустых, бессмысленных заданий мне не дает. Просто иногда им нужно управлять – ненавязчиво так, незаметно, держась в тени. Подсказать в нужный момент, как поступить, осторожно навести на нужную мысль, причем так, чтобы он принял ее за свою собственную, положить на видном месте нужный предмет. В лоб действовать никак нельзя – дядя Вася упрям, как все мужчины, ни за что не прислушается к чужому мнению, особенно к моему. А если применить все эти маленькие хитрости, то сосуществовать с ним вполне можно.

– Что ты там болтаешь про судей? – опешил дядя Вася. – До суда еще дело не дошло!

Оказывается, я думаю вслух, вот новость!

– Василиса, ты можешь прийти в течение получаса? – строго спросил мой шеф. – У нас клиент!

– Не могу, – честно ответила я, – краска не ляжет.

– Какая еще краска? – опешил он. – Ты ремонт, что ли, затеяла? Нашла время!

Ну вот, пожалуйста, говорила же ему утром, что в салон красоты записалась. На дворе середина мая, давно пора привести голову в порядок, а мне все некогда. Это настоящее преступление – так мало заниматься своей внешностью!

– Василиса, бросай свою кисточку и дуй быстро ко мне! – надрывался дядя Вася.

Забыла сказать, что офис детективного агентства он устроил в своей собственной квартире – просто отвел под него одну из двух комнат.

Дядя Вася – бывший милиционер. Когда он вышел на пенсию, через некоторое время сильно заскучал по работе, к тому же на одну пенсию долго не проживешь. Жена его к тому времени умерла, и коротал Василий Макарович свое свободное время, склеивая картонные модели танков, бронетранспортеров и самоходок. А еще вылизывая свой старый «жигуленок», которого любовно называл «ласточкой». От такой «веселой» жизни дядя Вася быстро затосковал и стал прикладываться к бутылке чаще, чем нужно.

Тут-то мы с ним и встретились. Не подумайте плохого, не в рюмочной и не в дешевом кафе, не в парадняке и не на лавочке в парке. Встретились мы в гараже. То есть он возился

в гараже, а тут пробежали мы с Бонни. (Про Бонни расскажу отдельно. Это большая и очень важная тема.)

Так вот, убегали мы от милиции. Меня арестовали по подозрению в убийстве любовницы моего мужа¹, и вроде бы дядя Вася должен был помогать своим бывшим коллегам. Он, однако, мне поверил и помог в расследовании этого дела. Разумеется, я не убивала эту стерву (хотя не скрою, очень хотелось это сделать). Но я чту Уголовный кодекс.

А Василий Макарович так разохотился, что решил открыть свое собственное детективное агентство. И можете себя представить, сначала не желал меня брать на работу. То есть бумажки перебирать – это пожалуйста, а к оперативной работе привлекать – упаси боже! И понадобилось расследовать нам пару-тройку дел, чтобы он наконец понял, что ему без меня не обойтись. Понять-то он понял, но ни за что в этом не признается. Ну да ладно, это не так уж и важно.

Дядя Вася перешел уже к самому обычному ворчанию, по-стариковски детально разбирая по косточкам мой характер – и необязательная я, и непослушная, и на работу вечно опаздываю, и все всегда забываю. Все ясно – встал сегодня с левой ноги. Потому что ни слова правды не было в его гневной речи.

Знакомы мы без малого год, а за это время при близком общении мужчине изучить нетрудно. Тем более, у меня есть опыт – шесть лет была замужем. Но, как выяснилось впоследствии, своего мужа я как раз изучить не смогла. Дурил он мне голову очень ловко, а может, это я такая доверчивая дура. Ну, долго рассказывать не буду, это никому не интересно, в общем, мы развелись. По обоюдному согласию, только согласие это не распространялось на недвижимость, а именно: отличный загородный дом в коттеджном поселке. В очень приличном месте, надо сказать. Дом муженек оставил себе, а меня выпроводил буквально на улицу, без денег и без крыши над головой. Но и эта задача наконец разрешилась, и теперь мы с Бонни живем в двухкомнатной квартире. Места немного, зато отдельная, и даже с маленьким садиком, что очень удобно, принимая во внимание Бонни. (О Бонни все же позднее.)

– Василий Макарович! – Я сумела наконец пробиться сквозь поток слов. – Я вовсе не крашу стены, а в парикмахерской нахожусь! Через час только смогу быть! А что там за клиент?

– Да дамочка одна... – вздохнул дядя Вася сердито, и я тут же поняла почему.

Он ужасно не любит таких дел. Дама, разумеется, поручит нам следить за своим мужем. Для чего еще нужен частный детектив, как не для того, чтобы вывести на чистую воду неверного супруга? Еще обращаются к нам мелкие бизнесмены, если знают, что в их фирме кто-то из сотрудников подворовывает по мелочи, а поймать его за руку не могут. Фирмочки эти небольшие, в крупных своя охрана, им привлекать человека со стороны ни к чему.

Бывают, конечно, дела интересные. Но редко. А в основном – рутинная слежка. И дяде Васе с такими делами не везет. То в момент слежки заметят его и морду набьют, то застрянет на крыше недостроенного дома в трескучий мороз и схватит жесточайшую простуду, то опять-таки бдительная соседка из дома напротив сигнализирует куда следует, что на балконе посторонний мужик ошивается. Она-то в милицию сигнализировала, а пока милиция собиралась, муж вернулся. Ну и спихнул дядю Васю с балкона, хорошо, не до земли падать пришлось, бетонный козырек по пути случился. Но ногу мой шеф тогда все же сломал. Как говорится, производственная травма. Ничего не поделаешь, профессия частного детектива относится к рискованным.

Поэтому не любит дядя Вася слежки за неверными супругами, не получается у него. Оттого и злой такой с утра.

– Подождет ваша дамочка! – сказала я. – Попозже ей назначьте! Судя по всему, время у нее есть.

---

¹ См. роман Н. Александровой «Кодекс поведения блондинки»

– Василиса, время! – теребила меня мастер. – Волосы пересушим!

– Говорить больше не могу, мыться надо! – Я бросила трубку, успев услышать еще сердитый рык дяди Васи.

Под теплыми струями воды я оттаяла, и настроение резко повысилось. В самом деле – жизнь не так плоха.

Во-первых, наконец-то наступила весна. Во-вторых, дядя Вася редко позволяет себе разговаривать со мной в таком тоне, так-то он человек незлобивый и отходчивый. В-третьих, дядя Вася и Бонни – это вся моя семья на сегодняшний день, а близким людям, как известно, прощается многое. И в-четвертых, волосы покрасили очень хорошо. Такой дивный оттенок медового... Светлый мед, липовый...

У меня от природы и так светлые волосы, но этот цвет мне явно к лицу. И к такой шевелюре подойдет та миленькая голубая кофточка на пуговках, которую я купила буквально вчера.

– Ну как? – Мастер отступила и повернула ко мне зеркало.

– Блеск! – ответила я честно. – Вот спасибо!

– Носи на здоровье...

Расплачивалась я на ходу и куртку надевала тоже на бегу. И понеслась к дяде Васе. Живем мы с ним на Васильевском острове, а там не то чтобы все близко, но старожилы передвигаются пешком – так удобнее. Где дворами проходными путь срежешь, где через скверик перебежишь, где подъезд сквозной, а там через мостик пешеходный, мимо кладбища – и вот я у его дома.

Ключ куда-то завалился, и я стала трезвонить.

– Ну что такое... – дядя Вася открыл дверь. – Вы, девушка, к детективу?

– Дядя Вася, вы что, меня не узнали? – Я оторопела.

– Василиса! – Он отступил в глубь квартиры. – Ну ты даешь! Надо же, как прическа меняет человека!

– Богатой буду! – обрадовалась я.

– Угу, если так будешь к работе относиться, то скоро бутылки с тобой собирать пойдем!

– Да что с вами сегодня такое? – изумилась я.

– Этот негодяй... – начал он, и я сразу поняла, что дело пахнет керосином. Потому что в квартире тихо, а обычно при моем приходе раздается дикий вой, лай, стук и грохот. Когда семидесятикилограммовая машина стучит головой в дверь, дверь выдерживает недолго. И в прихожей появляется огромное чудовище светло-песочного цвета, из открытой пасти размером с небольшой такой дорожный саквояж, капает удивительное количество слюны, хвост мотается из стороны в сторону с амплитудой... в общем, человека зашибет если не насмерть, то с ног сбить может запросто. И все это зовется Бонифацием, сокращенно Бонни, и является собакой породы бордоский дог.

Бонни – моя радость и счастье, свет моих очей. Он достался мне по наследству, и теперь у нас полная взаимная любовь и согласие. Бонни меня обожает и рвется меня защищать и опекать, а для этого, разумеется, он должен все время находиться рядом. И как, интересно, это сделать? Мало ли куда я хожу... При моей работе часто нужно казаться незаметной.

Ага, попробуйте не заметить этого слонопотама!

Тем не менее Бонни очень не любит оставаться один, а вот с дядей Васей у них полное взаимопонимание. И слушается он его гораздо охотнее, чем меня. Так что сегодня с утра я привела Бонни, а сама упорхнула в салон красоты. И что же он натворил?

После того как одна богатая дама отвалила нам хорошие деньги за спасение своей жизни и всяческую помощь², я уговорила дядю Васю сделать ремонт в квартире. Потому что квартиру свою он использует в качестве офиса, и, сами понимаете, как клиенты относятся к потолку с трещинами, оборванным обоям и облупленным подоконникам. Лично у меня нет доверия к

---

² См. роман Н. Александровой «Полюблю до гроба»

человеку, который не способен привести в порядок собственный кабинет. Но если вы думаете, что заставить моего шефа сделать ремонт было легко, то вы глубоко ошибаетесь.

Некоторое время назад мне удалось выбросить старое продавленное кресло с пружинами, впивающимися в зад посетителя, как только он опустит этот зад в то кресло. Взамен купили новое, кожаное, а также два неудобных стула с жесткой спинкой. Тут же выяснилось, что кресло совершенно не подходит к столу – старому, обшарпанному, с потертой и исцарапанной столешницей, да еще Бонни изгрыз все ножки, как будто он не взрослая, солидная собака, а четырехмесячный щенок, страдающий от переизбытка энергии.

Стол я раздобыла с большой скидкой через Интернет – разорившаяся фирма распродала свое имущество. Там же прихватила шкаф для бумаг и очень стильную вешалку для прихожей. Далее понадобились настольная лампа, новый компьютер, и в конце концов дядя Вася согласился, что надо бы комнату обновить.

Господи, чего мне это стоило! Десять не десять, но пять лет моей молодой жизни на его совести.

Василий Макарович был тверд, как гранитная скала. Ремонт только в кабинете. Туда действительно ходят клиенты, там должно быть прилично. Причем оказалось, что слово «прилично» мы с ним понимаем совершенно по-разному.

– Обои переклеить и потолок побелить! – орал дядя Вася. – А окна я сам выкрашу!

– Или меняем ваши прогнившие рамы на стеклопакеты, или я сама выброшусь вот в это окно! – орала я в ответ.

И Бонни вторил мне басовитым лаем. Думаю, что Бонни сказал решающее слово, и в результате в квартире появилась разбитная малярша Зина.

И только я перевела дух, как эта самая Зина принялась удивительно быстро окучивать дядю Васю, потому что сама она оказалась откуда-то из-под Новгорода, а тут мужчина одинокий, не очень старый и с собственной квартирой. Женщина, эта самая Зинаида, была видная и по-своему неплохая, но дядя Вася на ее прелести, надо сказать, не повелся.

А пока они там разбирались, ремонт, сами понимаете, двигался медленно. А у нас клиенты, и финансовое благополучие напрямую зависит от их количества.

Так что пришлось нам с Зиной расстаться и нанять двух черноволосых мальчиков с испуганными глазами. Эти готовы были работать хоть сутками, беда в том, что они ничего не умели. Ни красить, ни клеить, ни гвоздя вбить, ни по-русски говорить.

Дядя Вася помаленьку накалялся и готов был уже все бросить, но парни развели такую грязь, что жить в квартире все равно было совершенно невозможно.

И тогда небо послало мне Этю. Да-да, именно так он себя называл, а уж какое это полное имя, я понятия не имею.

Этя был здоровенный рыжий дядька с многочисленными дефектами речи. Из тридцати трех букв русского алфавита он выговаривал только три, самое большее – четыре. На руки эти дефекты не распространялись, руки у Эти были золотые. Причем не сомнительной пятьсот восемьдесят третьей пробы, а настоящей, девятьсот пятьдесят восьмой. Этими самыми руками он вмиг привел в порядок комнату и прихожую – на большее дядя Вася никак не соглашался, клиенты, мол, ходят только туда, а он как-нибудь проживет.

И теперь, когда я привожу Бонни, дядя Вася пускает его только в спальню. Именно туда я и направилась.

Вы можете себя представить, что поначалу я не заметила такую тушу в тринадцатиметровой комнате? Правильно, я сама удивилась, а потом увидела, что кровать как-то странно колеблется. Бонни пытался залезть под нее, но места не хватило, тогда он приподнял кровать, и теперь она вместо ножек опиралась на Бонни.

– Эй! – позвала я. – Выходи уж!

Кровать и вовсе перестала шевелиться. И что же такого натворил мой пес, если так боится показаться мне на глаза?

И тут я заметила в углу гору каких-то бумажных ошметков.

– Боже мой, Бонни, неужели ты?..

Так и есть, этот злодей, это чудовище добралось до дяди Васиных картонных моделей, и теперь от танков и самоходок времен Второй мировой осталась вот эта куча макулатуры в углу. Кровать снова зашевелилась, и показалась виноватая морда.

– Сожрал? – с негодованием заорала я. – Да как же у тебя совести хватило? Немедленно вылезай!

Бонни тут же убрал голову назад под кровать, как черепаха под панцирь. Я принесла швабру и стала бестолково тыкать ею под кровать, но понимала, что швабра может повредить этому паршивцу, как африканскому слону дробина.

– Оставь его... – дядя Вася показался в дверях. – Я сам виноват, отогнал его, он обиделся, вот и...

– Ну, знаете! – окончательно разъярилась я. – Если ему все спускать, он на шею сядет!..

– Да ладно, эти модели мне все равно не нравились, теперь будет чем заняться вечерами...

– Никакого с вами воспитания... – вздохнула я, и тут раздался звонок в дверь.

– Сиди тихо! – Я пнула ногой кровать. – Пикни только у меня!

Дядя Вася скрылся в кабинете, а я распахнула дверь, не спрашивая, потому что ожидала клиентку.

Ну что ж, не могу сказать, что я сильный физиономист, однако кое-чему дядя Вася меня успел научить. Так вот, поглядев на молодую женщину, что стояла на пороге, я сразу поняла, что клиентка нетипичная. Потому что мужа не имеется, это было видно невооруженным глазом. И не потому, что нет обручального кольца или девица была слишком молодая – кому это молодость мешала выйти замуж? Просто вид у девицы был не то чтобы беспечный – нет, она усиленно пыталась выглядеть деловой, вид у нее был свободный. А раз мужа нету, то и следить не за кем, стало быть, дело у нее другого рода. А в остальном девица была ничего себе – стройная, высокая, да еще и сапоги на высоченном каблуке, черные гладкие волосы до плеч, глаза широко расставлены. Нос чуть-чуть длинноват, но ее не сильно портит.

Она-то ожидала увидеть перед собой частного детектива, а стало быть, мужчину. И приготовила уже соответствующий взгляд – мечтательный и слегка заинтересованный, мало ли какой из себя этот детектив.

А тут я. Было очень забавно наблюдать за выражением ее лица – легкое разочарование, потом небольшое недовольство – кто еще тут будет под ногами болтаться, затем едва заметное пожатие плеч, и вот уже губы выговаривают слова приветствия.

– Проходите, пожалуйста, Василий Макарович вас примет, – нейтральным тоном сказала я.

Девица молча шагнула в кабинет, не сняв плащ и не сделав попытки вытереть ноги. Поскольку я выполняю в нашем агентстве не только функции секретаря, бухгалтера, но и уборщицы, я нахмурила брови. Но девица этого не заметила. Надо сказать, плащ ей шел – талия была перетянута широким поясом и казалась весьма тонкой. Мелькнула мысль, что я вроде тоже в последнее время похудела, однако в таком плаще не буду смотреться столь стильно.

Зато я отыгралась в кабинете, наблюдая за разочарованным выражением на лице девицы – дядя Вася как мужчина ее явно не устраивал. Она даже слегка поморщилась, отвернувшись, он-то ничего не заметил, но я все видела. И в отместку подтолкнула ее не к новому креслу, а к жутко неудобному стулу.

– Итак, чем могу служить? – спросил Василий Макарович со старомодной вежливостью.

Думаю, он тоже сумел вычислить, что девица – не клиент, мужа у нее нету, а если за любовником следить, то не станет она никого нанимать, сама справится, ей не стыдно.

– Нужно проследить за одним человеком, – буркнула девица, – есть подозрение, что он гуляет от жены.

– От вас, что ли? – не удержалась я.

– Спокойнее! – тут же одернул меня дядя Вася. – Давайте-ка по порядку. Вас как зовут?

– Это обязательно? – Она поморщилась и глянула на меня не слишком любезно.

– Обязательно, – строго ответил Василий Макарович, – без этого никакого разговора. Таков порядок.

Девица достала пачку сигарет и закурила, не спросив разрешения. Потом положила ногу на ногу и попыталась вальяжно откинуться на стуле. Но стул, как уже говорилось, был ужасно неудобный, спинка жесткая, так что у девицы ничего не получилось, только пепел с сигареты упал прямо на пол.

«Если растопчет его ногой, я ее выгоню, – решила я, – что, в самом деле, за хамство?»

Есть такие люди, которые считают, что за свои деньги могут человека обхамить и унижить по полной программе. Ну нам-то платят за работу, а не за унижение.

Мы переглянулись с дядей Васей, он понял, что я церемониться не стану.

– Простите... – выговорила наконец девица, очевидно почувствовав флюиды моей злости, носящиеся в воздухе.

Я сделала зверское выражение лица и подвинула ей металлическую пепельницу.

– Итак... – дядя Вася был весь внимание.

Девица снова поморщилась и нехотя заговорила.

Ее зовут Лиза, Елизавета Евгеньевна Ерощенко. У нее есть старшая сестра – весьма деловая дама, у сестры свой бизнес и муж. И вот некоторое время назад сестре стало известно, что муж этот не совсем честно соблюдает условия брака.

– Налево ходит, – уточнила я.

– Вроде того... – Девица зыркнула на меня сердито.

– Продолжайте. – Дядя Вася посмотрел на меня строго: не встревай, мол, в разговор по ерунде, не сбивай человека с мысли.

Сестра на измене мужа не поймала, продолжала девица, поэтому не то чтобы не поверила слухам, но решила поразведать обстановку. Женщина она деловая, а в бизнесе, понятное дело, на слово никто никому не верит. Вот сестра и подошла к вопросу по-деловому, решила сначала получить неопровержимые доказательства неверности мужа, а потом уже с документами в руках с ним разбираться.

– Что ж, это понятно, – протянул дядя Вася, – непонятно только, отчего она сама ко мне не пришла. Дело все-таки деликатное... можно сказать, интимное...

– Сестра мне доверяет! – с излишней горячностью сказала девица. – И потом, у нее совершенно нет времени. Она очень, очень занятой человек. Вот и попросила меня найти частного детектива и поручить ему, то есть вам, это дело.

– Что ж, – сказал дядя Вася, осторожно подбирая слова, – задача, в общем, несложная, если, конечно, объект слежки не президент банка, не министр и не директор крупного холдинга – у тех охрана, они постороннего человека вблизи своего шефа мигом вычислят. Что-то мне подсказывает, что муж вашей сестры не относится к таким личностям.

– Верно, – что-то странное блеснуло в глазах нашей посетительницы, я только не поняла, что это за чувство, – он директор организации «Человек года».

– То есть трудится самостоятельно, к бизнесу жены не имеет отношения... – констатировала я.

И снова девица бросила на меня неприязненный взгляд, в котором что-то проявилось, и я опять не поняла, что именно.

– А скажите, как вы нас нашли? – поинтересовался дядя Вася. – Мне это нужно для статистики.

– По объявлению в рекламной газете, – буркнула девица, – в общем, вы беретесь?

– Минутку... – проворковала я. – Можно ваш паспорт?

– Это еще для чего? – вот теперь она растерялась.

– Таков порядок, – твердо ответил дядя Вася, – составим официальный договор, у меня же не лавочка, а фирма. Лицензия вон! – Он кивнул на стену, куда я повесила лицензию частного детектива в красивой деревянной рамочке.

– Ну, хорошо, раз порядок, – девица снова вздохнула и полезла в сумку за паспортом. – Докладывать все будете мне...

– Угу, а позвольте поинтересоваться, кто будет оплачивать работу? – снова влезла я.

Ну что хотите делайте – не нравилась мне эта девка! Не доверяла я ей! Если и сестра у нее такая же – ни к чему с ними связываться!

– Сестра, конечно! – вспылила девица. – Муж-то ее...

– А тогда извините, – твердо заметил Василий Макарович. – Как говорится, кто платит – тот и музыку заказывает! То есть с тем человеком договор заключаем и ему лично о проделанной работе отчитываемся. Так сестре и передайте! Если надумает она, то обязательно с ней нужно встретиться.

– Некогда ей! – буркнула девица. – У нее работа!

«А у тебя, значит, времени навалом, – подумала я, – раз чужими делами занимаешься».

Мысль эта немедленно отразилась у меня на лице, и девица ее прочитала, потому что скривилась и пробормотала, что позвонит сестре, а потом с нами свяжется.

– Что ж, буду ждать вашего звонка! – Дядя Вася встал с места, давая понять, что разговор окончен.

Я облегченно вздохнула, потому что давно меня беспокоили подозрительные звуки, доносящиеся из соседней комнаты. Там двигали мебель, потом стучали хвостом по полу и царапали когтями этот самый многострадальный пол.

Потом раздался вой. Я этого ожидала, потому и бровью не повела, а клиентка наша аж вздрогнула.

– Кто это у вас там?

– Никто, – я любезно улыбнулась, – это трубы. Дом старый, давно их менять пора...

Она поглядела с подозрением и быстро выскользнула за дверь.

– Думаю, больше не придет... – сказала я с непонятым удовлетворением, услышав, как застучали каблуки по лестнице, – ишь как поскакала, и лифта дожидаться не стала.

– Василиса, – дядя Вася смотрел сердито, – этак ты всех клиентов распугаешь!

– Да я-то при чем? – Я очень натурально пожала плечами. – Сами же такой порядок установили, чтобы паспорт спрашивать!

– Прекрасно знаешь, о чем я! Нужно ровнее держаться! С большим уважением к клиенту!

От дальнейшей перепалки отвлек нас особенно отчаянный пассаж Бонни.

Кровать находилась совершенно не в том месте, где стояла раньше, этот слон умудрился передвинуть ее к другой стенке. Но вылезти так и не смог. И теперь отчаянно выл, призывая спасти его из этого буквально безвыходного положения.

– А вот не будешь хулиганить! Не будешь модели жрать! – Я решила проявить строгость.

Но выглянувшая из-под кровати золотистая морда выглядела такой несчастной, что сердце мое тут же оттаяло. А дядя Вася уже пытался приподнять кровать. Но Бонни так ослаб от страха, что не было у него сил выползти.

– Давайте же быстрее! – прохрипел дядя Вася, лицо его потихоньку становилось фиолетовым, и жилы на шее напряглись.

Кровать была куплена лет сорок назад, да не в магазине, а по случаю, сделана на совесть не из ДСП, а из настоящего массива. Немудрено, что Бонни сильно утомился держать кровать на себе.

Тут я спохватилась, что дядя Вася тоже не железный, и с трудом выволокла Бонни на открытое место.

– Уф! – Дядя Вася без сил повалился на кровать. – Инфаркт с вами наживешь!

Бонни тоже валялся на полу в полном изнеможении, так что на телефонный звонок пришлось отвечать мне.

Звонила та самая подозрительная клиентка Елизавета. Она сказала, что связалась с сестрой и изложила ей ситуацию, и та согласилась встретиться с Василием Макаровичем сегодня в восемнадцать часов в ресторане «Хлебосолье». Сестру зовут Елена Максимовна Соколовская, и она очень просила не опаздывать, потому что время ее расписано буквально по минутам.

– Как это вы говорили, что сестры, а у самих не только фамилии, но и отчества разные? – спросила я, причем не сильно старалась скрыть подозрение в голосе – пускай знает, что я вижу ее насквозь, как рентгеновский аппарат.

– Мы сводные, по матери, – нехотя объяснила Елизавета, – фамилии и отчества у нас по отцам. Вы удовлетворены?

Ого, впервые она обратилась лично ко мне, а до этого смотрела мимо, как будто я пufик или дырокол.

– Пока да, – бросила я и положила трубку.

Василий Макарович подъехал к ресторану «Хлебосолье» чуть раньше назначенного времени. Он хотел было припарковаться на стоянке возле ресторана, но в последний момент передумал: его старенькие издававшие виды «Жигули» смотрелись бы на ней неуместно, как сантехник в спецодежде на светском приеме.

Вообще-то Куликов любил свою машину и утверждал, что на дороге она не уступит никакой иномарке. Но все же был реалистом и понимал, что внешний вид его «ласточки» оставляет желать лучшего. Самое же главное – если его неказистую машину увидит потенциальная заказчица, ее мнение о частном детективе Куликове может упасть ниже плинтуса.

Василий Макарович невольно подумал, что Василиса, пожалуй, была права, когда буквально заклинала его поменять машину. И деньги у него имелись – два последних дела хоть и были сложными, но принесли хорошую прибыль. Но Куликов привык к своей «ласточке», как к родной, расстаться с ней – все равно что потерять близкого человека. И он все тянул да отнекивался, а потом Василиса затеяла ремонт, и деньги утекли в эту прорву, как в песок...

Может, и к лучшему, поедет он еще на своей «ласточке». Но желательно прятать ее от заказчиков.

Итак, учтя эти соображения, Василий Макарович припарковал свою машину в паре кварталов от ресторана и подошел к нему пешком.

Войдя в ресторан, он озабоченно огляделся по сторонам.

К нему тут же устремилась девушка-метрдотель, однако, окинув Куликова наметанным взглядом, притормозила и спросила его с некоторым сомнением:

– Вы хотели бы пообедать? У нас вообще-то довольно дорого...

– Меня ждут! – недовольно проговорил Василий Макарович. – Госпожа Соколовская.

– Ах, конечно! – Лицо девушки засияло гостеприимством, и она указала на стол в глубине зала, за которым худощавая брюнетка лет сорока разговаривала по мобильному телефону.

Проходя через зал ресторана, Василий Макарович удивленно огляделся.

Ресторан был оформлен в стиле самой обычной деревенской избы. Посетители сидели на грубых деревянных лавках за такими же столами. Между столами и вдоль стен красовались тележные колеса, деревянные кадушки и корыта, по стенам были развешаны серпы, косы

и берестяные туески. На отдельном столе стоял огромный, начищенный до ослепительного блеска медный самовар, на трубе которого висела связка баранок. Расторопные официанты, снующие между столиками, щеголяли в вышитых крестом рубашках-косоворотках, но самое удивительное – на ногах у них были настоящие лапти.

Василий Макарович подошел к столу заказчицы.

Брюнетка положила телефон, подняла на него глаза и осведомилась:

– Это вы – детектив Куликов?

– Так точно! – Василий Макарович едва удержался от того, чтобы лихо щелкнуть каблуками. – А вы, я так понимаю, Елена Максимовна Соколовская.

Соколовская кивнула, придирчиво оглядела детектива и наконец показала на скамью:

– Садитесь. Будете что-нибудь заказывать?

– Я... да... чаю... – смущенно забормотал Василий Макарович, судорожно припоминая, как у него обстоит с деньгами.

– Я вас угощаю, – проговорила Соколовская, проницательно взглянув на него. – Здесь хорошо кормят.

– Да я уже пообедал... – продолжал отнекиваться Куликов.

Вдруг возле стола бесшумно возник официант в красной вышитой рубашке и голосом профессионального соблазнителя затянул:

– Сегодня повару удивительно удалась стерлядь по-монастырски... очень рекомендую! Зразы тоже удивительно хороши! Расстегай с белорыбицей – просто объедение...

– Ну, ладно, мне расстегай и чаю! – сломался Василий Макарович, сглотнув слюну.

Официант принял заказ и удалился.

– Итак, – Василий Макарович решил не терять времени даром и взять быка за рога. – Как я понимаю, вы подозреваете, что ваш муж...

Закончить он не успел. Телефон Соколовской подпрыгнул и залился тревожной трелью.

– Извините, – бросила Елена Максимовна Куликову и поднесла аппарат к уху. – Да, я слушаю... как – не успевает? Да вы что?! Вы понимаете, что я под него уже подстроилась! Вы понимаете, что он меня подставляет! Об этом не может быть и речи! Нет, нет и нет!

Она замолчала, а Куликов, воспользовавшись паузой, пригляделся к своей потенциальной заказчице.

Елена Максимовна Соколовская была худощавой, подтянутой женщиной, чем-то напоминающей борзую. Не столько даже сухим легким телосложением, сколько порывистыми движениями и всей торопливой повадкой. Казалось, она в любую секунду готова вскочить из-за стола, сорваться и бежать за дичью. И можно не сомневаться, что эта дичь от нее не ускользнет.

Еще Василий Макарович не мог не отметить, что сестры нисколько не похожи. Несмотря на то, что обе имели темные волосы и худощавое сложение, никакого родства не просматривалось, они принципиально различались по типу.

Старшая была вся в делах, причем не создавала вид, а именно занималась делом. Младшая же, насколько мог заметить Василий Макарович за недолгую их встречу, очень старалась произвести впечатление. Она-то все время делала вид, и совершенно непонятно, какая там эта девица есть на самом деле.

Впрочем, Василий Макарович не очень-то разбирался в современных молодых женщинах. Но Василиса отчего-то эту девицу невлюбила. А Василиса неглупа и наблюдательна, не пустая болтушка, и многому научилась за последнее время. Так что мнение Василисы Василий Макарович уважал. Только сотруднице своей ни за что в этом не признается, незачем ее баловать, пускай старших слушается.

Он вздохнул и поглядел на свою заказчицу.

Внимательно выслушав своего телефонного собеседника, она снова заговорила:

– Вы меня слушаете? Напомните ему о штрафных санкциях. Если к завтрашнему утру он не успеет, они вступают в силу. Все.

Она сложила телефон и снова повернулась к Василию Макаровичу:

– Извините. Очень много дел. А тут еще это... – Она поморщилась. – От Сени я такого не ожидала... ну, очень это не ко времени!

– Откуда вы узнали о его... гм... легкомысленном поведении?

– Мне кто-то позвонил, – проговорила Соколовская и снова брезгливо поморщилась.

– Кто-то? – переспросил Куликов. – Вы не узнали этого человека?

– Это была женщина. Нет, я ее не узнала.

Телефон снова зазвонил. Соколовская извинилась, открыла его:

– Да... слушаю... что?! Ни в коем случае! Я уже ему заплатила! Два раза за одно и то же я платить не буду! Все!

На этот раз она раздраженно бросила телефон на стол и шумно выдохнула, прежде чем продолжить разговор:

– Совсем обнаглели! Делать ничего не хотят, а цены повышают регулярно... О чем мы с вами говорили?

– О том, что вам позвонила незнакомая женщина...

– Я не сказала, что она была незнакомая, – уточнила Соколовская. – Я сказала только, что я ее не узнала.

– И что же она вам сказала?

– Она сказала, – с неприязнью процедила женщина, – что надо мной уже смеется весь город. Что у меня выросли огромные ветвистые рога. Я растерялась от неожиданности, а она продолжила: весь город знает, что у твоего мужа любовница, они уже не скрываются! Потом она еще что-то говорила, но я... остальное я не помню. Это было так неожиданно... наконец я собралась с силами и спросила, кто звонит – но она в ответ только рассмеялась. Тогда я спросила, кто любовница моего мужа, но она уже повесила трубку.

Василий Макарович ждал продолжения, но Соколовская долго молчала, глядя перед собой. Наконец она подняла на него глаза и раздраженно проговорила:

– Очень не люблю чувствовать себя душой. Допустим, он кого-то завел, но неужели нельзя было сделать это аккуратно, тихо? Нет, ему нужно было поставить в известность весь город! Ему нужно было, чтобы об этом пошли разговоры!

Ее телефон снова зазвонил. Елена Максимовна взглянула на него, как на ядовитую змею, но все же ответила:

– Слушаю! А, это вы... нет, для вас я всегда... конечно... обязательно... нет, ни в коем случае! Кто вам сказал? Разве я вас когда-нибудь подводила? Вы можете на меня рассчитывать! Конечно, как всегда! Обязательно! Договорились!

На этот раз она бережно положила телефон и снова обратилась к Василию Макаровичу:

– Извините, очень важный звонок... на чем мы остановились?

– На том, что вы не хотели бы разговоров...

– Да-да, я бы не хотела, чтобы пошли разговоры. И у меня очень мало времени! Можно сказать, совсем нет. Так что я вас попрошу – сделайте все быстро, незаметно и деликатно.

– Что именно? – переспросил Куликов. – Пожалуйста, уточните ваше поручение.

– Выясните, что там на самом деле происходит! – сухо проговорила заказчица. – С кем крутит мой муж, насколько все это серьезно, как далеко у них зашло... ну, вы же опытный человек! У вас наверняка были такие случаи!

– Были, – с тяжелым вздохом подтвердил Василий Макарович.

На самом деле, в его практике частного детектива такие случаи составляли по меньшей мере девяносто процентов. Почти каждый клиент, приходивший в его скромный офис, поручал

ему проследить за своим легкомысленным супругом или супругой. Так что у Куликова был даже заготовлен специальный договор именно для таких случаев.

Он вытащил этот договор из портфеля и положил его перед Еленой Максимовной:

– Прежде всего давайте документально оформим наши отношения.

Соколовская едва заметно поморщилась, взглянула на часы, но все же стала внимательно читать договор – как опытная деловая женщина, она никогда ничего не подписывала, предвзвешенно не прочитав. По ходу дела она нашла в тексте договора две опечатки и одну орфографическую ошибку, но все же размашисто подписала его и один экземпляр спрятала к себе в сумочку.

К столику подошел официант. Он принес кофе для заказчицы и расстегал для Василия Макаровича. Едва он отошел, у Соколовской снова зазвонил телефон. Она схватила его, взглянула на дисплей и переменялась в лице:

– Слушаю! Что случилось? Как?! Не может быть! Ни в коем случае! Никого не вызывайте, я сейчас приеду!

Сложив телефон, она встала из-за стола и озабоченно проговорила:

– Я должна немедленно уехать, срочные дела. Вы пообедайте, все оплачено...

– Постойте! – забеспокоился Василий Макарович. – Но мы с вами не успели поговорить... мне нужно узнать, чем занимается ваш муж, какие у него привычки, знакомства...

– Все узнайте у Лизы! – отмахнулась Соколовская. – Мне некогда! – И буквально через секунду ее уже не было в ресторане.

Василий Макарович тяжело вздохнул и взглянул на свою тарелку.

Настроение у него заметно улучшилось: перед ним лежал очень аппетитный румяный пирог, от которого исходил головокружительный аромат.

«Ну ладно, – подумал Василий Макарович, вооружаясь ножом и вилкой, – хоть поем нормально...»

На следующее утро я вошла в холл бизнес-центра и огляделась.

Холл был современный, хорошо и стильно отделанный. Видно было, что здесь поработал дизайнер. Всюду зеркала, матовое стекло, хромированные детали. Но цветы и растения в горшках и кадках искусственные. Я эту моду не одобряю. Если уж хочешь оживить помещения комнатными растениями – заведи настоящие, пусть даже какие-нибудь попроще, а пластиковые цветы и пальмы – это заведомая подделка. Конечно, с ними гораздо меньше возни, зато и отдачи от них никакой. Это все равно, как если бы я вместо Бонни купила игрушечную собаку из искусственного меха. О таком просто страшно подумать!

– Вы к кому? – окликнула меня молодая женщина из-за стойки.

– К Уколову, в «Человек года».

– Ах, к этому... – протянула она, заметно поскучив. – Третий этаж, комната триста двенадцать.

Я поблагодарила и прошла к лифту.

Разговор с Елизаветой Евгеньевной Ерошенко, которую мы с дядей Васей между собой называли ЕЕЕ, состоялся у меня сегодня в девять утра. Причем ясно было, что своим телефонным звонком я ее разбудила. О чем она не преминула мне сообщить недовольным заспанным голосом, и снова я почувствовала необъяснимое злорадство. И задала несколько вопросов. Ответы были кратки.

Мужа сестры зовут Арсений Михайлович Уколов, женаты они пять лет, детей нету. Бизнес у каждого свой собственный, у нее – крупная фирма по поставке и монтажу медицинского оборудования. А у него – организация «Человек года». Находится этот самый «Человек года» в бизнес-центре «Пиастр» на Девятой линии. Привычки у Уколова самые обычные, он не слишком перетруждается, рабочий день начинается с одиннадцати, на месте его можно застать очень

редко – гораздо чаще он посещает различные презентации и тому подобные мероприятия – работа такая. А в общем – сами все выясните, за то вам и деньги платят. В конце разговора Елизавета не удержалась от колкости.

Что ж, тут она права.

Стало быть, господин Уколов является на работу к одиннадцати. А может, и позже.

Бьюсь об заклад, что его жена уматывает из дому в районе семи утра и приползает едва живая к одиннадцати вечера. В крупной фирме иначе нельзя.

Я оделась скромно, но прилично и отправилась в бизнес-центр «Пиастр» на разведку.

Лифт наконец подъехал, он тоже был весь в зеркалах. И тоже не обошлось здесь без искусственного цветка в горшке. Ну, положим, в лифте настоящий цветок не выжил бы, здесь для него слишком мало света и воздуха.

Лифт остановился. Я вышла, навстречу мне, оживленно разговаривая, вошли две интересные девицы. И прикид и макияж были на уровне. Я двинулась по коридору, устланному зеленым ковром, сверяясь с номерами на дверях.

По левой стороне коридора шли нечетные номера, по правой – четные. Триста четыре, триста шесть, триста восемь...

Из триста восьмой выпорхнули еще две привлекательные девчонки.

Триста десять...

Дальше по логике должна быть нужная мне триста двенадцатая комната, но ее не было. Вместо нее была дверь на запасную лестницу. Я на всякий случай выглянула туда. На лестничной площадке курил смуглый брюнет с густыми бровями.

– Извините, – на всякий случай спросила я, – вы не знаете, где триста двенадцатая комната?

– Слушай, дэвушка, зачѐм тебѐ триста двѐнадцатая? – оживился брюнет. – Что тебѐ там делать? Поедѐм лучше в ресторан, а?

Я поспешно закрыла дверь и еще раз огляделась. Триста двенадцатой комнаты не было ни на левой, ни на правой стороне коридора. Дверь на лестницу снова приоткрылась, общительный брюнет выглянул и, увидев меня, засиял:

– Ты еще здѐсь? Так поедем в ресторан? Я один очѐнь хороший знаю!

– Я вообще-то из прокуратуры, – соврала я.

Брюнет поскущел, но не ушел.

– Зачѐм так шутишь? – протянул он обиженно. – Такой красивый дэвушка и такой плохой шутка!

Чтобы прекратить этот утомительный разговор, я толкнула дверь триста десятой комнаты и оказалась в небольшой приемной. Передо мной за столом с компьютером сидела девушка, которую мне сразу захотелось назвать Царевной-лягушкой. Причем сходства с лягушкой в ней было куда больше, чем с царевной, – большой рот, чуть зеленоватая кожа и унылое выражение лица, как будто вся ее жизнь прошла на болотной кочке в ожидании принца, который должен ее расколдовать поцелуем. Однако годы идут, а принц все не приходит. Я ничуть не удивилась бы, если бы она заквакала. И она действительно заквакала:

– КАСКО? ОСАГО?

– Что? – До меня не сразу дошло, что она называет популярные виды автомобильного страхования. Ну, ясно – я попала в приемную страховой компании.

– Нет, – проговорила я поспешно, – я вообще-то ищу триста двенадцатую комнату. Организацию «Человек года».

– А, так вы к Арсению Михайловичу! – проквакала Царевна-лягушка, и лицо ее еще больше погрузтело (если это возможно). – Так это вам нужно в другой конец коридора и через переход.

– Спасибо! – поблагодарила я и вышла.

Приставучий брюнет, к счастью, испарился.

Я направилась по коридору в обратную сторону. Теперь номера комнат уменьшались – триста шестая, триста четвертая, триста вторая... дальше был лифт, потом дверь с характерным женским силуэтом, а за ней коридор упирался в дверь из матового стекла. Вспомнив слова Царевны-лягушки, я толкнула эту дверь и действительно оказалась в переходе между двумя частями здания. С обеих сторон от меня были стеклянные стены, за которыми виднелись дворы и соседние дома. В этом переходе общались еще две девицы. Ноги от ушей, волосы до попы, глазищи в пол-лица – шикарные девицы, ничего не скажешь!

Надо заметить, что в этом офисном центре настоящий цветник, хоть конкурс красоты проводи. Немудрено, что муж нашей клиентки кого-то подцепил, в таких условиях и святой не устоит.

Пожалуй, только Царевна-лягушка из страховой компании не вписывалась в общую картину. Ну кто-то же должен работать, а не только украшать собой офис.

Пройдя по переходу между стеклянными стенами, я открыла следующую дверь и снова оказалась в коридоре с пронумерованными дверями по сторонам. И первая же комната, которую я увидела, была триста двенадцатая.

Я облегченно вздохнула и толкнула ее.

Передо мной был довольно захламленный кабинет, в дальнем конце которого за офисным столом сидел долговязый мужчина лет сорока с заметными залысинами. Сбоку от него за столиком поменьше находилась гримза средних лет с неприязненно поджатыми губами. Все было при ней – и короткие жиденькие волосы, и узенькие очки, сидящие на носу. Из-под очков смотрели маленькие глазки с непередаваемым выражением удивительного ко всему на свете недоверия и неприязни.

Разве можно держать в офисе такую секретаршу? Она же всех посетителей распугает. Тем более, если судить по обстановке кабинета, дела в этой организации идут неблестяще.

Мужчина разговаривал по телефону.

– Ну, конечно, я не сомневаюсь, что вы в своей профессии – выдающийся специалист, – говорил он в трубку. – Но согласитесь, производство мышеловок – это не самая популярная сфера деятельности... да, пусть не только мышеловок, но и крысоловок... да, я понимаю... но это все же не киноиндустрия и не аэрокосмические исследования... да, я все понимаю, но в вашем случае взнос должен быть существенно больше... хорошо, подумайте!

Гримза уставилась на меня, изобразила улыбку и осведомилась:

– Вы к кому?

– Мне вообще-то нужен Арсений Михайлович.

Улыбка на ее лице погасла, она снова поджала губы и проскрипела:

– Вы же видите – Арсений Михайлович занят! Вы можете изложить мне свой вопрос.

Я не успела ничего ответить, поскольку мужчина положил трубку и поднял на меня заинтересованный взгляд:

– Вы ко мне? Вы по поводу присуждения звания «Человек года»? Это очень правильное решение! Участие в нашем конкурсе – это самый эффективный способ привлечь внимание общественности! Лучше всякой рекламы! Должен вам сразу сказать – вы, с вашей внешностью, будете замечательно смотреться на церемонии присвоения звания и на страницах нашего альманаха...

– Вообще-то я не претендую на такое высокое звание, – остановила я его, пройдя по кабинету и пододвигая себе стул, потому что никто из этих двоих сделать это не удосужился. – Меня прислал мой шеф, господин Куликов, чтобы я узнала у вас все подробности, все ваши условия. Это он хочет получить звание «Человек года».

– Ах, вот как! – В голосе Арсения Михайловича прозвучало некоторое сожаление, но он тут же приободрился и выложил на стол стопку глянцевого журналов:

– Вот, вы можете ознакомиться с нашим альманахом. Вот уже пять лет мы ежегодно проводим присуждение почетного звания «Человек года» в нескольких номинациях и по результатам церемонии выпускаем альманах. Можете взять с собой несколько экземпляров, чтобы показать своему шефу...

Я протянула руку за журналами, а он тут же накрыл мою руку своей и заглянул мне в глаза с несомненным мужским интересом:

– А вы уверены, что не хотите участвовать в конкурсе? Для женщин с вашей внешностью мы делаем большие скидки. Нашей программой предусмотрено модное дефиле – в деловом костюме, в вечернем платье и в бикини... вы бы смотрелись просто замечательно!

– Я не поняла, – проговорила я, осторожно высвобождая руку. – Вы что, проводите профессиональные конкурсы или конкурсы красоты?

– Мы стараемся по возможности совместить то и другое. Понимаете, чтобы привлечь к нашему конкурсу внимание СМИ... Правда, участники и особенно участницы конкурса не всегда соответствуют требованиям модельного бизнеса...

Я наугад открыла один из журналов и увидела фотографии дефилирующих по подиуму моделей. Впрочем, моделями их можно было назвать только с большой натяжкой – это были тетki от сорока до шестидесяти лет, и размер их одежды колебался от пятидесяти второго до пятидесяти восьмого.

– Вы смотрите на участниц прошлогодней церемонии, – пояснил Арсений Михайлович. – Вот это, – он показал на тетку ростом под два метра, с квадратным подбородком и мощными плечами борца, – это победительница конкурса в номинации «Женщина года в правоохранительных органах». Подполковник милиции, лично задержала больше двадцати особо опасных преступников.

Подполковник милиции дефилировала в купальнике. Правда, не в бикини, а в закрытом. Наверное, потому, что в бикини некуда спрятать пистолет. Зрелище было не для слабонервных.

– За ней – победительница в номинации «Женщина года в медицине». Крупный врач-проктолог, выдающийся специалист по оперативному лечению геморроя.

Он показал на приземистую особу с мелко завитыми огненно-рыжими волосами и маленькими пронзительными глазками. Красное бикини смотрелось на ней, как седло на корове-рекордистке симментальской породы.

Пока я разглядывала фотографии, Арсений снова завладел моей рукой и проговорил задушевным тоном:

– Может быть, вы все же примете участие в нашем конкурсе? Мы придумаем для вас какую-нибудь подходящую номинацию... скажем, «Ассистент руководителя года»... Вы так замечательно будете смотреться на подиуме!

Да уж, в бикини я наверняка буду смотреться гораздо лучше этих премированных коров! Видно, у них совсем плохи дела, если они выпускают на подиум этих королей геморроя и борцов с преступностью в супертяжелом весе!

Я снова отобрала у него руку и твердо проговорила:

– Нет, это не обсуждается. Я пришла по поручению своего шефа и доведу его до конца.

– Конечно, как вам будет угодно! В какой области он работает?

– В юридической, – ответила я уклончиво. – Но скажите, мужчин вы тоже заставляете дефилировать?

– Ну да, конечно, это предусмотрено нашей церемонией. Дело в том, что у нашей организации договор с сетью магазинов мужской и женской одежды «Вектор». Они бесплатно предоставляют нам все костюмы для участников и участниц церемонии.

– Надеюсь, по крайней мере, вы не заставляете мужчин выступать в плавках? – проговорила я в притворном ужасе. – На такое мой шеф ни за что не согласится!

– Нет, конечно! Для мужчин предусмотрено дефиле в деловом и вечернем костюме, а также в костюме для верховой езды.

Я представила дядю Васю в костюме для верховой езды и чуть не расхохоталась.

– Ну и, конечно, самое главное, – продолжил Арсений Михайлович. – Я должен предупредить вас, что существует еще одна организация, присуждающая звание «Человек года». Так вот, это жулики, шарлатаны и обманщики! Они за деньги раздают дипломы направо и налево, тем самым совершенно обесценивая это высокое звание! Так вот, ни в коем случае не поддавайтесь на их рекламу!

– Но вы ведь тоже присуждаете звание, извините, не бесплатно!

– Разумеется, – ответил он на голубом глазу. – Вы же понимаете, что церемония стоит недешево. Плюс издание журнала, плюс реклама в СМИ, плюс накладные расходы... Зато наше звание придает его носителю вес в деловых и профессиональных кругах.

– И еще, последнее, но немаловажное. Вы говорили о стоимости вашего звания.

– Позвольте уточнить! – перебил меня собеседник. – Речь идет не о стоимости звания как такового, а лишь об оплате услуг по проведению церемонии и сопутствующих мероприятий. Конечно, это довольно дорогостоящие услуги...

И он назвал мне шестизначную цифру. Неужели нормальный человек в здравом уме и памяти может согласиться отдать такие деньги за сомнительное звание? Это уж если совершенно деньги некуда девать...

Хотя, если судить опять-таки по обстановке кабинета, богатых клиентов у господина Уколова немного.

Я сделала вид, что приняла цену как должное. Впрочем, все равно мы с дядей Васей ничего подобного не планировали, так что Уколов может называть мне любую цифру.

– Хорошо, я все доложу шефу! – проговорила я, прежде чем покинуть его кабинет.

И улыбнулась на прощание как можно ласковей. Грымза зашипела, как гадюка, которой наступили на хвост, Арсений же Михайлович привстал с места и послал мне призывный взгляд.

– Надеюсь, мы еще встретимся! – проворковал он.

«Это вряд ли, – подумала я, – если только в суде, когда будет слушаться ваше с женой дело о разводе...»

Выйдя в коридор, я задумалась: что же я сегодня узнала полезного?

Во-первых, Арсений Уколов – самый натуральный бабник, так что его жена не зря беспокоится.

Во-вторых, собственная его секретарша явно вне подозрения, на такую гримзу он вряд ли польстится. Но здесь, в этом деловом центре, красивых девиц просто пруд пруди, так что при желании подцепить какую-нибудь не составит труда...

Короче, нужно организовывать за ним настоящую слежку.

С такими мыслями я вышла в застекленный переход между двумя частями здания. Здесь задумчиво курила девица лет двадцати пяти – не такая эффектная, как остальные встреченные мной сегодня обительницы этого бизнес-центра, но все же очень ничего себе. Я остановилась рядом с ней, достала пачку сигарет и выщелкнула одну.

Надо сказать, что я вообще-то не курю, считаю это занятие чрезвычайно вредным для здоровья. Но всегда ношу с собой пачку на случай, если понадобится завести с кем-нибудь доверительный разговор. Потому что ничто не сближает так быстро, как совместное отравление никотином и табачными смолами. Так что можно сказать, что ради дела я жертвую собственным здоровьем. Кстати, надо сказать об этом дяде Васе и потребовать у него надбавку за вредность.

Короче, я достала сигарету, сделала вид, что ищу зажигалку, и тут же девица, с которой я хотела поговорить, предложила мне огоньку.

Через пять минут мы уже мило беседовали, я узнала, что девушку зовут Кристиной, а сама представилась Вероникой.

Узнав, что я по поручению шефа приходила в организацию «Человек года», моя новая знакомая фыркнула и пожала плечами:

– Бывают же люди, которым деньги некуда девать!

– Совершенно с тобой согласна, – вздохнула я. – Лучше бы он мне зарплату прибавил! Но шеф есть шеф, его дело приказать, мое – бегать по его поручениям. Видишь ли, его кто-то убедил, что если он станет человеком года, то к нему клиенты валом повалят! Но что-то я не вижу, чтобы к самому этому Уколову клиенты стояли в очередь. Видно, не так уж много желающих выбрасывать деньги на ветер.

– Не говори! – согласилась она. – Эта контора еле на плаву держится, каждый раз, как нужно за аренду платить, у них проблемы. Раньше они занимались дворянством, тогда у них дела шли получше, но потом конкуренты съели...

– Чем?! – удивленно переспросила я, решив, что ослышалась.

– Дворянством! – повторила Кристина. – Оформили себе какую-то лицензию от дворянского собрания и за плату оформляли желающим патент на личное или потомственное дворянство, а за большие деньги – на графские и княжеские титулы.

– И что – находились желающие?

– Находились, – Кристина пожала плечами. – Ты не представляешь, сколько до кризиса было людей, которым некуда было девать деньги. Да тут еще мода на дворянство пошла. Бывшие бандюганы и торговцы окорочками захотели непременно обзавестись дворянскими титулами.

– Лучше бы они их тратили на что-нибудь полезное – на больницы, на детские сады...

Кристина поглядела на меня удивленно, и я тут же сориентировалась:

– Отдых бы оплачивали сотрудникам, а то путевки ужас до чего стали дорогие! Премии опять же квартальные, бонусы в конце года, у моего, к примеру, шефа ничего этого не допросишься!

– Вот тут я с тобой согласна, – оживилась Кристина, – но наше мнение никого не интересует. Они, наверное, считают, что о сотрудниках заботятся только лохи.

– А платить за дурацкую бумажку о липовом дворянстве – это разве умно?

– Умно, не умно, а зато круто! Если Толян купил себе графский титул, то Вован не успокоится, пока не купит княжеский. А Уколов и рад был стараться – самые редкостные титулы выкапывал, маркизов, герцогов, а какому-то уголовному авторитету оформил титул князя Священной Римской империи.

– А чем же эта халява кончилась?

– Тут две вещи произошли одновременно: во-первых, разразился кризис, и лишних денег у людей стало меньше. И во-вторых, какие-то конкуренты пустили слух, что Уколов не имеет никакого права раздавать эти патенты, лицензия у него липовая, а сам он – сын повара и лекальщика. Вот с тех пор они и перекалифицировались – теперь вместо дворянских титулов присваивают звание «Человек года». Тут уже, конечно, и деньги не те, да и клиентов мало стало.

Все это было интересно, но мне нужно было узнать другое.

– А я думала, что он богатый – одет прилично, часы дорогие на запястье болтаются, машина небось супер...

– И думать забудь! – Кристина замахала руками, так что пепел с сигареты разлетелся в разные стороны. – Он, конечно, бабник, ни одну девчонку не пропустит, к каждой норовит подъехать, но... только на словах. Потому что все знают – никаких особенных денег у него нету, это жена богатая.

– Да что ты? – картинно изумилась я. – А я думала...

– К тебе тоже клинья бил? – догадалась Кристина. – Ну, это он так, по привычке. Или, может, думал, что ты новый человек, в ситуации не разберешься сразу.

– Если жена его обеспечивает, так нужно сидеть тихо... – сказала я в раздумье, – а то ведь ей кто-нибудь сообщит о его художествах, она его и выгонит под зад коленом.

– Кто мужиков поймет? – Кристина пожала плечами. – Но тут он ни с кем не крутит, мы бы знали...

– Ладно, пойду я... шефу докладывать...

Простились мы дружески.

По дороге домой я думала, что вычислить любовницу Арсения Уколова будет трудно-вато, раз он так тщательно шифруется. И еще, выдала его жене наверняка какая-то баба посторонняя, не из этого бизнес-центра. Похоже, моя новая знакомая Кристинка полностью в курсе всех здешних событий, она бы знала...

Василий Макарович Куликов второй час сидел в своих «Жигулях» напротив входа в бизнес-центр «Пиастр». Он внимательно разглядывал каждого выходящего, сверяя с фотографией Арсения Уколова, которой его снабдила Василиса.

Для того чтобы получить этот снимок, Василисе пришлось снова встречаться с Лизаветой Ерощенко, и, судя по тем словам, которые произнесла Василиса, отдавая ему фотографию, встреча эта не принесла ей особой радости. Лизавета долго отнекивалась и ворчала, отговаривалась крайней занятостью, хотя ясно было, что если человек до полудня спит дома, то никаких особенных дел у него нету, а свободного времени навалом. Однако Василиса девушка обязательная – сказано получить фотографию, она ее достанет. Правда, небольшая такая фотка, любительская, но лицо разглядеть можно.

– У супругов квартира в центре, на Казанской улице, пятикомнатная, – докладывала обстоятельная Василиса, – а Лиза эта живет отдельно от них, снимает, что ли, я не в курсе. Фотку дала, вот только край отрезала, говорит, там они с сестрой вместе... Она, оказывается, не так давно в Питер приехала...

– Мне про эту Лизу неинтересно, – перебил дядя Вася, – мне не перед ней отчитываться нужно, а перед ее сестрой. А та – дама серьезная, зря деньги на ветер бросать не станет...

И вот теперь Василий Макарович ждал, когда выйдет из офиса господин Уколов.

Ожидание объекта было привычной для него работой. Если сложить все те часы, которые Василий Макарович провел за этим занятием за долгие годы, что он прослужил в милиции, наверное, получилось бы несколько месяцев непрерывного мучительного ожидания.

Один раз, чтобы арестовать матерого рецидивиста по кличке Бульдозер, Куликову пришлось одиннадцать часов просидеть под видом пожилого бомжа в привокзальном сквере. За эти часы ему три раза предлагали выпить настойку овса или боярышника, пять раз пытались набить морду и один раз новенький милиционер, который был не в курсе операции, попытался выпроводить его из сквера, чтобы не портил привокзальный пейзаж своей колоритной внешностью.

Но все это было давно, когда Василий Макарович был моложе и его нервы были в значительно лучшем состоянии. Сейчас же он скучал, нервничал и злился.

Злиться, собственно, было не на кого, кроме самого себя – он сам, выйдя на пенсию, выбрал профессию частного детектива, прекрасно понимая, какая это трудная и утомительная работа.

Наконец из дверей бизнес-центра показался высокий лысеющий мужчина лет сорока в длинном оливковом плаще, с небрежно повязанным шелковым шарфом на шее. Рядом с ним семенила девушка, чем-то напоминающая грустную лягушку. Большой рот, выпученные глаза и бледная, чуть зеленоватая кожа делали сходство с обитательницей болот просто удивительным. Она то и дело заглядывала в лицо своего спутника и искательно улыбалась. Мужчина

посматривал на нее несколько высокомерно, но, спускаясь по ступеням центра, галантно поддерживал за локоть.

Василий Макарович взглянул на фотографию Уколова, снова внимательно осмотрел мужчину на ступеньках и окончательно уверился, что это – муж его заказчицы. Достав из бардачка специальный фотоаппарат, замаскированный под пачку сигарет, он сделал несколько снимков Уколова и его спутницы.

«А Василиса говорила, что Уколов очень осторожен, что никто из сотрудников бизнес-центра понятия не имеет о его любовнице... – подумал Куликов. – А он вот – идет себе спокойненько с девушкой под ручку, ничуть не скрывается. Напутала чего-то Василиса, девки эти чего только не наболтают...»

Парочка остановилась, огляделась по сторонам и направилась к стоянке машин. Василий Макарович повернул ключ в замке зажигания. При этом он взмолился, чтобы мотор «Жигулей» не подвел, и молитва помогла – мотор ровно заурчал, готовый к работе.

У Василия Макаровича были сложные отношения с машиной. С одной стороны, он ее любил, проводил с ней много времени, любовно называл «ласточкой». С другой – время от времени ругал последними словами и клялся поменять на иномарку, поскольку коварные «Жигули» имели обыкновение не заводиться в самый важный момент или, что еще хуже, предательски глохнуть посреди сложного перекрестка или во время преследования особо опасного преступника.

Уколов со спутницей сели в серебристый «Опель» и выехали со стоянки. Василий Макарович последовал за ними.

Перед ним стояли две противоположные задачи: не потерять «Опель» Уколова из виду и при этом не раскрыться самому, не выдать слежку. Впрочем, вряд ли Арсений Уколов внимательно следил за всеми машинами, которых в этот час было на улице очень много.

К счастью, ехать пришлось недолго.

Серебристый «Опель» свернул на Одиннадцатую линию и остановился перед рестораном. Над входом виднелась яркая вывеска «Веселый койот». Сбоку от надписи был изображен сам этот койот. На голове у него красовалась широкополая мексиканская шляпа, но в остальном он был очень похож на волка из мультфильма «Ну, погоди!».

Судя по шляпе и названию, ресторан был мексиканский.

Василий Макарович мексиканскую кухню не любил, он считал ее слишком острой, вредной для здоровья и чересчур экзотической. Впрочем, в интересах работы он мог пожертвовать своими вкусами и здоровьем и согласился бы не только на мексиканскую, но даже на новогвинейскую кухню, включающую блюда из червей, личинок, саранчи и соседей по коммунальной квартире.

Уколов помог своей спутнице выбраться из машины, и они скрылись за дверью ресторана.

Василий Макарович успел сфотографировать парочку на входе, затем заглушил мотор своей «ласточкой». Прежде чем покинуть машину, он достал из бардачка темные очки и накладные усы. Усы были длинные, подковкой, вполне подходящие к стилю мексиканского ресторана. Изменив при помощи этого нехитрого инвентаря свою внешность, детектив Куликов выбрался из машины и вслед за объектом вошел в ресторан.

Внутри помещение было оформлено в полном соответствии с требованиями жанра. На стенах висели гитары, широкополые шляпы-сомбреро и индейские маски. Официанты щеголяли в таких же шляпах и ярких куртках с бахромой и галунами. Больше того, центр зала был превращен в кусочек самой настоящей мексиканской пустыни с несколькими огромными кактусами, среди которых стояли чучело койота и манекен, изображающий музыканта-марьячо в мексиканском наряде, с пышными усами и гитарой в руках.

Оглядевшись по сторонам, Куликов увидел Уколова. Тот со своей невзрачной спутницей устроился за столиком для двоих в глубине зала. Свободных столов рядом с ними не было, а издалека не получилось бы хороших фотографий.

Василий Макарович на секунду задумался, и тут в его голову пришла замечательная идея.

Воспользовавшись тем, что на него никто не смотрел, он скользнул в середину зала, в тот самый уголок пустыни, по пути прихватив со стены одну из широкополых шляп. Напялив эту шляпу, он стащил с манекена его мексиканскую куртку, с трудом втиснулся в нее и встал в живописной позе рядом с койотом и музыкантом.

В шляпе-сомбреро, с длинными накладными усами и в темных очках он был похож на мелкого мексиканского бандита или наркоторговца из фильма «Однажды в Мексике» и вполне уместно выглядел в этом ресторане. Самое же главное – отсюда ему был очень хорошо виден Арсений Уколов, и можно было сделать прекрасные фотографии.

Впрочем, ничего особенно компрометирующего парочка пока не делала. Правда, Арсений Михайлович время от времени брал свою спутницу за ручку, наклонялся к ней через стол и шептал на ушко что-то интимное, но это вряд ли можно было считать полноценным доказательством супружеской измены.

Тем не менее полученный аванс нужно было отрабатывать.

Куликов достал из кармана свой шпионский фотоаппарат, замаскированный под сигареты, и успел сделать несколько снимков, как вдруг рядом с ним остановился пробежавший по залу официант. Василий Макарович застыл с сигаретной пачкой в руке и глупейшим выражением лица и даже старался не дышать. Официант несколько секунд удивленно разглядывал его, а потом остановил своего коллегу и спросил того вполголоса:

– Толь, слушай, у меня что, глюки? Вроде еще утром этого мужика тут не было!

– Какого еще мужика?

– Да вот этого, в темных очках! Музыкант был, шакал был, а этого не было!

– Да брось! – отмахнулся второй официант. – Ты же знаешь Степаныча – он каждый день что-нибудь новое притаскивает! То чучело какое-нибудь, то гитару новую, то шляпу...

– Но когда же он успел, – не унимался первый. – Еще утром этого мужика не было...

– Коль, ну тебе что – делать нечего? Вон та парочка за третьим столом уже целый час ждет свою «Маргариту», а ты тут на манекены пялишься! Степаныч увидит – покажет тебе глюки!

– И то правда! – Официант вздохнул и поспешил к недовольным клиентам.

Василий Макарович сделал еще несколько довольно удачных фотографий.

В это время в ресторан ввалилась новая компания – несколько шумных парней и развеселых девиц. Они явно где-то уже приняли и теперь требовали продолжения.

Метрдотель устроил новую компанию за двумя сдвинутыми столами в центре зала, совсем рядом с уголком бутафорской пустыни. Новоприбывшие расселись, заказали коктейли и закуски. Одна из девиц, полная блондинка в мини-юбке, тут же выскочила из-за стола с бокалом в руке и подбежала к Василию Макаровичу.

– Котик! – капризным голосом обратилась она к своему спутнику, рослому парню с низким лбом и сросшимися бровями. – Котик, смотри, какой мужик классный! Сними меня с ним!

– Какой еще мужик? – нахмурился «котик». – Я тебе покажу мужика! Куда с тобой ни зайдем, везде каких-то мужиков находишь... мне уже надоело им рыла чистить...

– Да он же не настоящий! – захихикала девица и повисла на шее у Василия Макаровича. – Он... это... восковой! Помнишь, как те, в музее... в этом, как его, Лондоне... ты еще одного свалил... нас тогда в полицейский участок привели... прикольно было!

– Ладно, Ксюша, давай за стол... – проворчал ее приятель. – Водка стынет!

– Ну, котик, ты сними меня с ним! – капризничала девица. – Что тебе, жалко?

«Котик» неохотно встал, приблизился к подруге и сфотографировал ее на мобильный телефон.

– Ну, теперь ты довольна?

– Ну, котик, еще разик! – Девушка обняла Василия Макаровича и поднесла к его губам свой бокал. – Смотри, он даже как живой! Вот здорово научились делать!

Василий Макарович собрал всю свою волю в кулак и старался не шевельнуть ни одним мускулом, не вздохнуть и не моргнуть. Девушка, однако, не унималась. Она потянула его за усы – и усы, разумеется, тут же отклеились.

– Ой, котик, – расстроилась она. – Смотри, усы отвалились! Выходит, они не настоящие!

– А ты как думала, – авторитетно проговорил ее приятель. – Это же манекен, у него все на клею, все ненастоящее. Если как следует подергать, волосы тоже отвалятся.

– Правда? – эта мысль понравилась Ксюше, и она тут же решила ее осуществить.

Первым делом она сняла с Куликова сомбреро и напялила его на себя. При этом, разумеется, потребовала, чтобы приятель сфотографировал ее в этой прикольной шляпе. Затем она принялась дергать Василия Макаровича за волосы. Волосы не поддавались.

Несчастный детектив терпел из последних сил, из глаз у него текли слезы, а в голове крутилась единственная мысль – что давно пора уходить на покой, что пенсию дают не зря, а хлеб частного детектива слишком тяжел для пожилого человека.

Тут к нему подоспела неожиданная помощь в лице метрдотеля. Он подошел к неумной девушке и в самых деликатных выражениях попросил ее не трогать ресторанный реквизит.

«Дожил, – подумал Василий Макарович. – Меня уже реквизитом обзывают!»

Хоть метрдотель был очень деликатен, его требование все равно не понравилось «котику». Нахмурившись, он двинулся на мэтра и мрачно проговорил:

– Ты, халдей безразмерный, кем себя возмнил? Ты что это моей Ксюше предьявляешь? Ты что ей указываешь, кого ей можно трогать, а кого нельзя? Это никого, кроме меня, не касается! Я тебе сейчас рога-то пообломаю! Будешь знать, как порядочным людям мешать культурно отдыхать!

Метрдотель попытался в зародыше погасить зарождающийся скандал. Поскольку «котик» не унимался, он подал знак одному из официантов, и через минуту из кухни, вытирая руки о передник, появился помощник повара, ростом и габаритами напоминающий трехкамерный промышленный холодильник.

Василий Макарович, находившийся в самом центре событий, из последних сил старался сохранить полную неподвижность. Краем глаза он, однако, заметил, что Уколов расплатился и покинул ресторан со своей неказистой приятельницей.

Ксюша вдруг то ли протрезвела, то ли опомнилась и попыталась успокоить своего приятеля. Она водрузила на голову «манекена» шляпу-сомбреро и теперь безуспешно пыталась приклеить обратно усы. При этом она невыносимо щекотала нос Куликова.

Василий Макарович не выдержал и оглушительно чихнул.

Ксюша удивленно выпучила глаза и попятилась, пробормотав:

– Вот это да! Даже как живой, даже чихает!

Зато ее приятель нашел новый повод для возмущения.

– Так он живой! – прорычал «котик», закатывая рукава. – Это, значит, он под видом манекена с моей Ксюшей обнимался?

Он хотел наброситься на несчастного «мексиканского» сыщика, так неожиданно нашедшего свою любовь, но налетел на монументального помощника повара и ушибся об него, как о каменную стену.

Василий Макарович решил, что его маскировка так или иначе раскрыта, объект ушел, и дальше сохранять неподвижность не имеет смысла. Он шагнул вперед и спросил оторопевшего метрдотеля:

– Наши на Акапулько не проходили?

Ответа не последовало. Тогда Куликов снял мексиканскую куртку, надел ее на воскового марьячо и проговорил:

– Спасибо, друг! Правда, мне твоя куртка маловата, но все равно очень выручил!

Марьячо, как нетрудно догадаться, промолчал. Василий Макарович гордым шагом покинул ресторан.

За его спиной официант Коля вполголоса сказал официанту Толе:

– Я тебе говорил, что утром этого мужика здесь не было?

– Говорил, говорил! – отмахнулся от него коллега. – Вон там, за пятым столиком, тетка уже час дожидается буритос по-тихуански!

Высочив на улицу, Куликов успел заметить, как со стоянки выехал серебристый «Опель» Уколова. Он вскочил в свою машину и торопливо вставил ключи в замок зажигания. В этот день «жигуль» вел себя на редкость прилично и снова завелся с полоборота. Детектив поехал следом за Уколовым.

На этот раз ехать ему пришлось немного дольше.

«Опель» покинул Васильевский остров и по Тучкову мосту перебрался на Петроградскую сторону. Здесь Василий Макарович едва не потерял его в лабиринте улочек и переулков, окружающих Большой проспект, но наконец обнаружил серебристую машину возле пятиэтажного кирпичного дома на Бармалеевой улице.

Уколов как раз припарковал автомобиль и теперь помогал своей спутнице выйти.

Василий Макарович оживился.

Похоже, после ресторана муж заказчицы приехал домой к своей пассии, и теперь можно будет задокументировать факт измены. Детектив приготовил свой фотоаппарат и для разгона сделал пару кадров возле машины.

Арсений Михайлович подошел с девушкой к подъезду, но дальше события развивались по неожиданному сценарию: Уколов подержал спутницу за ручку, помог ей открыть дверь подъезда, но не вошел внутрь, а вернулся к своей машине.

На всякий случай детектив запечатлел парочку в момент расставания перед подъездом. Больше ему ничего не оставалось.

Уколов сел в машину и уехал.

Василий Макарович еще раз внимательно оглядел дом и увидел, как в окне на четвертом этаже отодвинулась занавеска. Из-за нее выглянула девушка с лицом печальной лягушки и проводила машину Уколова полным сожаления взглядом.

«Все же я чего-то не понимаю, – подумал Куликов, выезжая на Большой проспект. – Она явно была не против. Почему же он к ней не зашел? Допустим, она не в его вкусе. Но тогда зачем он водил ее в ресторан?»

Он решил, что придется продолжать наблюдение за Уколовым, а пока можно предъявить заказчице отснятый сегодня материал. Завтра с утра пошлет Василису отпечатать снимки.

С утра, однако, не получилось – Бонни съел что-то некачественное и разболелся. Пришлось срочно вызывать ветеринара. Василиса позвонила в половине восьмого и чужим хриплым голосом сказала, что мальчику очень плохо, что ночью выходили четыре раза и что теперь он лежит на полу и едва дышит.

– «Скоруу» вызывай! – выдохнул дядя Вася и побежал к ним.

Сначала бросился к гаражу, но передумал – пешком быстрее, и припустил бегом. Но не рассчитал силы, да еще два проходных двора оказались закрыты – въехали новые жильцы, обложили двор плиточкой и поставили кованые ворота, запирающиеся электронным замком. А в одном месте вообще охранник сидел, и как ни просил дядя Вася, как ни умолял – не пустили его через двор.

Так что, когда Василий Макарович, задыхаясь и потирая левую сторону груди, прибежал к Василисе, у дома уже стояла машина с синим крестом на боку.

– Что там, что? – спросил дядя Вася у заплаканной Василисы.

– Сильное отравление! – строго ответил врач, налаживая капельницу. – Если бы еще подольше проваландались, был бы возможен летальный исход! У собаки обезвоживание!

Дядя Вася охнул и опустился прямо на ступеньку лестницы.

Бонни был настолько слаб, что без сопротивления позволил сделать укол в лапу.

– Что давали? – приступил доктор к Василисе.

– Я... я ничего... – глаза ее забегали, – все как обычно...

– Да говори уж, – вздохнул Василий Макарович, – что уж теперь...

– Бонни... он очень любит морепродукты...

– Что-о? – Врач разинул рот. – И вы ему даете...

– Иногда коктейль, знаете – мидии, креветки, кусочки кальмаров и еще там что-то... – затараторила Василиса, – или все отдельно – кальмары, осьминожки маленькие, каракатицу...

– А соус? – деревянным голосом осведомился врач. – Соус какой – «Тысяча островов» или майонез?

– Что вы, как можно! – испугалась Василиса. – Совсем без соуса, только соли чуть-чуть и лимончиком сбрызнуть...

– Та-ак... – протянул врач, – та-ак...

Василий Макарович отпихнул Василису назад и загородил ее своим телом.

– Ну, если любит собака морепродукты, – заговорил он примирительно, – что ж теперь делать... Он же просит...

– А если у вас собака мышьяка запросит, так ее мышьяком кормить? – загремел доктор. – Или трубчатыми костями?

Тотчас раздался грозный вой. То есть это Бонни думал, что грозно рычит, поскольку обижают его хозяйку, на самом деле получалось удивительно тихо, жалобно и совсем не страшно, да еще в конце он пустил петуха.

Василиса снова залилась слезами, доктор перестал ругаться.

– Сколько там пролежали эти морепродукты, – пробормотал он, – мы же не в Японии живем, где рыбу утром ловят, а днем суши из нее в ресторанах подают...

Когда все ушли, Бонни горестно вздохнул и заснул. Василиса собралась в аптеку, заодно решила отдать в печать фотографии.

Она ходила больше часа, Бонни два раза просыпался и пил воду, дядя Вася сидел рядом и гладил его по голове.

Снимки получились четкими и качественными, и Куликов позвонил заказчице.

Елена Максимовна ответила сразу, как будто ждала звонка.

Но только явно не от частного детектива.

– Это Куликов звонит, – представился Василий Макарович.

– Кто? – очень громко переспросила клиентка. Кроме ее голоса из трубки доносился какой-то грохот и скрежет, как будто она находилась на металлургическом заводе.

– Куликов! – повторил детектив как можно громче, стараясь перекрыть эти подозрительные звуки.

– Это какой Куликов? – почти прокричала заказчица. – Из санэпиднадзора?

– Да нет, частный детектив, – Василий Макарович немного понизил голос. – Вы мне поручили расследование...

– Ах, это... – Елена Максимовна явно поскущнела. – Ну, и что у вас?

– Ну, я вам могу предоставить первые результаты, – бодро доложил детектив.

Он знал по своему опыту, что форма подачи отчета важнее его содержания. Если ты сам заранее настроен на неудачу, то и заказчик будет не в восторге. И наоборот – бодрый тон отчета придает всей работе видимость успеха.

– Ну, я прямо не знаю... – протянула Соколовская. – Честно говоря, так плохо со временем... Ну ладно, вы можете подъехать прямо ко мне на объект? Это новый медицинский центр, улица поэта Цветика, дом четырнадцать...

– Хорошо, подъеду! – с прежней бодростью согласился Василий Макарович.

Улицу поэта Цветика он нашел с трудом. Она располагалась в новом районе на севере города, между улицей музыканта Гусли и проспектом доктора Пилюлькина. Четырнадцатый дом оказался только что законченным кубом из стекла и бетона.

Около этого новенького куба стояла разная строительная техника и копошилась бригада работяг.

И тут же, на этом будничном фоне, Василий Макарович увидел свою заказчицу.

Елена Максимовна работала на контрасте. Она была одета в короткое, очень элегантное серое пальто, узкие брюки и сапожки на высоком каблуке. Как ни плохо Куликов разбирался в женской одежде (Василиса над ним всегда по этому поводу посмеивалась), но даже он сразу понял, что и пальто, и брюки, и сапожки на ней очень дорогие. От каждой ее вещи просто исходил едва уловимый аромат высокого качества и соответствующей цены.

Но вот головной убор совершенно не сочетался со всей остальной одеждой. Потому что на голове у Елены Максимовны был оранжевый строительный шлем.

Вообще говоря, это было неудивительно, потому что госпожа Соколовская стояла в окружении большой группы мужчин в рабочих комбинезонах и таких же оранжевых шлемах перед грудой каких-то огромных ящиков и громоздких металлических конструкций. Тут же рядом стоял самый настоящий подъемный кран.

Куликов подошел к Елене Максимовне и деликатно покашлял, чтобы привлечь ее внимание.

– Вы что кашляете? – взглянула на него заказчица. – У вас грипп? С гриппом незачем выходить на работу! Вы мне весь коллектив перезаражаете! С гриппом надо на больничном сидеть! И почему без шлема? Я не допущу нарушений техники безопасности! Мне и без этого неприятностей хватает! И вы вообще кто? Эколог, что ли?

– Да я Куликов, частный детектив! – напомнил ей Василий Макарович. – Я вам звонил... вы мне расследование поручили...

– Ах, да! – на лицо Соколовской набежала тень. – Вот ведь не ко времени вся эта история... ты что – совсем сдурел?

– Извиняюсь... – пробормотал Василий Макарович. – Но вы же сами мне поручили!

– Да это я не вам, – отмахнулась Елена Максимовна. – Это я крановщику, чтоб его... – Она запрокинула голову и закричала: – Ты что цепляешь? Ты что цепляешь, я спрашиваю? Я тебя самого сейчас так подцеплю... тебе вон ту хреновину цеплять надо!

Дальше Елена Максимовна выдала такую тираду, что бывалый Куликов опешил. Ему приходилось иметь дело с матерыми уголовниками, криминальными авторитетами и преступниками самого разного профиля, но ни от одного из них ему не приходилось слышать такой виртуозный мат, как от этой элегантной женщины.

Соколовская заметила его удивление и пояснила:

– Вы извините, что я так по-простому. Просто крановщик сидит высоко, да тут еще шумно, так до него слова доходят, как до жирафа, а с матом оно куда доходчивее. Этот факт установлен научно и подтвержден многочисленными экспериментами.

Действительно, крановщик понял ее слова, и стрела крана, медленно развернувшись, подошла к металлической арке, под которую вполне мог въехать поезд. Несколько рабочих в

форменных комбинезонах вскарабкались на эту арку и подцепили к ней свисавший со стрелы крюк.

– Ну, что там у вас? – проговорила Соколовская.

Василий Макарович, оглушенный грохотом и скрежетом, не сразу расслышал ее слова.

– А вот сейчас я с вами разговариваю! – повысила голос заказчица. – Что вам удалось разузнать про моего непутевого мужа?

Куликов поспешно расстегнул свой старенький портфель и вытащил из него конверт с фотографиями.

– Щеглов! – Елена Максимовна махнула кому-то рукой, и в ту же секунду на голову Василия Макаровича напялили оранжевый строительный шлем.

– Вот, значит... – забормотал он, веером разложив фотографии. – Это вот ваш супруг с женщиной в ресторане... это в машине...

– Кто такая? – сухо осведомилась заказчица.

– Сотрудница страховой фирмы. У них офис в том же бизнес-центре, что у вашего супруга...

– Ты куда лезешь? – неожиданно выкрикнула Соколовская. – Ты куда, я спрашиваю, лезешь?

– Что, извиняюсь? – переспросил Василий Макарович. – Вы же мне сами поручили...

– Это я не вам, это я вот ему! – Елена Максимовна повернулась к рабочему, который стоял под медленно поднимающейся аркой. – Тебя раздавит, а мне отвечать?

Рабочий отскочил, и заказчица снова повернулась к Куликову.

– Так, значит, машина, ресторан, а дальше что?

– А дальше, извиняюсь, ничего... подвез ее до дома, но внутрь, к сожалению, не вошел. – Василий Макарович показал заказчице последние фотографии, на которых ее муж прощался со своей пассией. – То есть я не так выразился... не к сожалению, конечно... – Он окончательно запутался и замолчал.

– Ну, куда ты ее тащишь? – рявкнула Соколовская. – Куда тащишь, я спрашиваю?

На этот раз детектив понял, что она обращается не к нему, а к крановщику, и послушно ожидал своей очереди.

– Ты же видишь, что она туда не пройдет! – орала заказчица. – Это же дикобразу пьяному понятно!

Действительно, металлическая арка на стреле крана медленно подплывала к окну здания, которое было раза в четыре меньше ее.

– Да что ж ты делаешь? – выкрикнула Елена Максимовна, запрокинув голову, и снова выдала заковыристую матерную конструкцию.

Куликов с невольным уважением отметил, что она ни разу не повторилась.

Метод подействовал, стрела крана затормозила, и арка поплыла к другому проему.

– Значит, он к ней не зашел... – проговорила заказчица, снова повернувшись к Куликову. – Ох, как все это несвоевременно! У меня два срочных заказа горят, инспекция на носу, тендер под вопросом, а тут еще этим заниматься... Ох, как несвоевременно!

Она убрала фотографии в свою сумку, напоминающую офицерский планшет.

– Так какие будут дальнейшие указания? – осведомился Василий Макарович.

– Хабибулин, так тебя и разэтак! – закричала Соколовская. – Ты фундамент подготовил? Я тебя, тебя спрашиваю! Ты подготовил под нее фундамент?

Смуглый человек в таком же, как у остальных, оранжевом шлеме схватился за голову и исчез в дверях здания.

– Какие указания? – Заказчица опять повернулась к детективу. – Продолжайте наблюдение, пока не получите какие-то определенные доказательства. Денег вам хватает?

– Аванс пока не израсходовали...

– Ну, куда, куда?! – опять закричала Елена Максимовна крановщику. – Левее заноси! Вы не представляете, какая проблема с персоналом, – она снова обращалась к детективу. – Никто не хочет работать! Денег почему-то все хотят, а работать – никто... А тут еще Арсений... Ох, как это все несвоевременно!

– Я извиняюсь, – проговорил Василий Макарович. – Ваша фирма ведь занимается медицинским оборудованием, а тут какие-то конструкции огромные...

– А вы что думали – что медицинское оборудование это градусники да стетоскопы? На этой мелочовке настоящих денег не сделаешь! Мы поставляем томографы, рентгеновские аппараты, комплексы для доплероскопии и прочее. А сюда привезли подъемный механизм для пациентов с повышенным массовым индексом.

– С чем? – удивленно переспросил Василий Макарович.

– Для очень толстых! – пояснила Соколовская. – В этом медицинском центре будут лечить больных, страдающих ожирением в особо запущенной форме. А некоторые из них такие толстые, что их, например, из ванны можно поднять только вот таким подъемным механизмом.

– Вроде подъемного крана, что ли?

– Вроде того.

– Сколько же они весят?

– Попадают до четырехсот килограмм. Но подъемник рассчитан на тонну. Сами понимаете, запас прочности. Короче, вам ясна ваша дальнейшая цель?

– Так точно! – Василий Макарович вытянулся перед заказчицей, как новобранец перед генералом.

– Тогда приступайте! Хабибулин, готов, черт возьми, фундамент или нет? Уволю на фиг!

На следующий день я снова отправилась в бизнес-центр «Пиастр».

Бонни стало получше, и дядя Вася велел мне поставить жучок в офисе, где работала предполагаемая пассия Уколова – та самая Царевна-лягушка, на которую я случайно наткнулась в свой первый визит. Поскольку слежка за парочкой не дала никаких определенных результатов, мы решили действовать более основательно.

Я поднялась на лифте на третий этаж, подошла к двери триста десятого офиса... и попятилась.

Дверь была открыта, возле нее толпились офисные барышни и какие-то совершенно неуместные здесь личности, на которых я своим опытным взглядом заметила неповторимый милицкий налет.

К счастью, в этой толпе я заметила свою знакомую Кристину, девушку, с которой познакомилась в первое посещение «Пиастра».

– Привет, Кристинка! – окликнула я ее. – А что это у вас тут за столпотворение? Что-то случилось?

– Случилось! – отозвалась та, округлив глаза. – Девушку одну убили.

– Убили?! – переспросила я растерянно.

– Ну да. Она в страховой компании работала.

Тут мне резко поплохело. Та самая девица, с которой вялотекущий роман у Арсения Уколова, та самая Царевна-лягушка, в офисе которой я должна была установить жучок, работала именно в страховой компании. И если ее убили...

– Привет, Вася-джан! – раздался у меня за спиной знакомый голос. – А ты как здесь оказалась?

Я резко обернулась и увидела своего давнего знакомого капитана милиции Бахчиняна. У меня в милиции двое друзей – Бахчинян и его напарник Творогов. С Твороговым нас связывают сложные многоплановые отношения, а с Бахчиняном все очень просто, он вообще человек легкий и общительный.

– О, у тебя прическа новая! – оживился Бахчинян. – Цвет такой красивый, прямо как у Бонни...

– Привет, Ашотик! – ответила я как можно жизнерадостнее, чтобы не дай бог не показать ему свою растерянность. – Вот, понимаешь, работу ищу. А то у нас с дядей Васей совсем дела плохи, еле концы с концами сводим. А я девушка одинокая, мне о своем будущем нужно думать... Могу бухгалтером, могу секретаршей, компьютер знаю...

– Работу? – переспросил Ашот весьма недоверчиво. – Ну, если работу, тогда конечно...

– А что тут случилось? – спросила я самым легкомысленным тоном. – Кража канцелярских принадлежностей в особо крупном размере?

– Если бы! – вздохнул Бахчинян. – Убийство тут случилось, Вася-джан! Девушку убили, почти твоего возраста! Вчера вечером...

– Надо же! – ахнула я. – Какой кошмар! Ни за что не пойду сюда работать, если здесь сотрудников убивают!

Бахчинян вошел в триста десятую комнату, и я ненавязчиво проскользнула за ним. Один из милицеских сотрудников подозрительно взглянул на меня, но, увидев, что я дружески разговариваю с Ашотом, отвернулся.

Войдя в комнату, я быстро огляделась.

Трупа уже не было, наверное, убитую уже увезли в милицеский морг. Но на полу возле стола был обведен мелом силуэт. Белые линии бесстрастно обрисовывали контуры безжизненного тела. От этой картины у меня невольно перехватило горло.

– А как ее убили, Ашотик? – спросила я Бахчиняна севшим от волнения голосом.

– Зарезали, Вася-джан! – ответил он горестно. – Точнее, закололи. Ножницами.

Он невольно бросил взгляд на офисный стол, где рядом с компьютером стояла ярко-оранжевая подставка-органайзер, из которой торчали ручки и карандаши. Там же было пустое место – наверняка именно оттуда убийца взял орудие преступления.

Ашот посмотрел на меня подозрительно и спросил:

– А ты вообще-то почему интересуешься?

– Да просто так, – заюлила я. – Такое дело, убийство... не каждый день случается...

– А у вас с Куликовым случайно нет тут какого-то особого интереса? – Бахчинян поглядел на меня очень внимательно, и я тут же вспомнила, что, несмотря на то что он легкий, веселый человек, общительный и приветливый со всеми, он обладает еще светлой головой, цепким взглядом и острой наблюдательностью.

Дядя Вася его очень хвалит и называет толковым оперативником.

– Да какой у нас может быть интерес? – Я вылупила глаза, чтобы казаться глупее, чем есть.

– Известно какой! – Он уже смотрел на меня с большим подозрением. – Ты смотри, Вася-джан, мы с тобой, конечно, друзья, но если ты знаешь что-то об этом деле, что неизвестно милиции, – лучше прямо сейчас расскажи! Сама знаешь, что бывает за сокрытие улик и препятствие следствию!

Я уже начала судорожно прикидывать, что бы такое ему сказать, чтобы не наболтать лишнего, но тут, на мое счастье, его отвлекли:

– Ашот Тигранович, взгляните-ка, что я нашел!

Молодой парень в черной кожаной куртке протягивал Ашоту фотографию. Держал он ее за уголок двумя пальцами, хотя и был в резиновых перчатках. Молодец, старается не смазать отпечатки пальцев! Ведь там могут быть и отпечатки убийцы.

Я вытянула шею и через плечо Бахчиняна посмотрела на фотографию.

И поняла, что на ней наверняка есть не только отпечатки пальцев убийцы. Еще там есть мои отпечатки. Потому что это была одна из тех фотографий, которые я накануне печатала по дяди Васиному поручению. На этой фотографии неотразимый Арсений Уколов сидел за сто-

ликом мексиканского ресторана рядом с девушкой, которую я окрестила Царевной-лягушкой. Труп которой недавно отвезли в морг.

Вот те на!

Что же это получается?

Я отдала фотографии дяде Васе, он их отдал заказчице. Каким же образом одна из этих фотографий могла оказаться здесь, на месте преступления?

Напрашивалось единственное объяснение, но оно мне очень не нравилось.

Допустим, заказчица, получив вчера у дяди Васи фотографии, пришла в ярость и отправилась сюда, в этот офис, выяснять отношения с соперницей. Здесь у них разыгрался грандиозный скандал, в процессе которого мадам Соколовская схватила первое, что попало ей под руку – ножницы, и воткнула их в злополучную Царевну-лягушку.

Сцена выглядела вполне правдоподобно, не вписывалась в нее только одна деталь. Вчера, вернувшись со встречи с заказчицей, дядя Вася поделился со мной своим впечатлением: ему показалось, что Елена Максимовна не очень-то близко к сердцу приняла его отчет. Ей было не до него, куда больше ее волновали производственные проблемы. С чего бы тогда она вдруг бросила все свои дела и помчалась сюда выяснять отношения?

Да и фотографии были, в общем-то, довольно невинные. Если бы на них была запечатлена откровенная постельная сцена – тогда понятно, от такого, конечно, любая женщина может прийти в неистовство. А тут-то с чего ее так разобрало?

А может, Соколовская – такая скрытная натура, на поверхности сдержанная и невозмутимая, а в душе – темпераментная и страшно ревнивая? Говорят же – в тихом омуте черти водятся...

Кажется, последние слова я произнесла вслух, потому что Ашот Бахчинян удивленно посмотрел на меня и спросил:

– Черти? Какие черти?

Я отговорила переутомлением и недосыпом, но он все же очень недоверчиво проговорил:

– Что-то ты темнишь, Вася-джан! Чего-то ты не договариваешь! Не нравится мне это! Лучше расскажи все, что знаешь!

Нет, не дождется он, что я буду делать за милицию ее работу! Сами все выясняйте!

Я сделала самое свое честное лицо.

– Ашотик, ну, ей-богу, ничего про это дело не знаю!

– Поклянись! – Бахчинян схватил меня за руку и сжал сильно. – Поклянись здоровьем своего Бонни!

– Ой, больно! – пискнула я. – Ашот, не надо про Бонни, он заболел! Вчера «Скорую» вызывали!

В отличие от его напарника Творогова, Ашот к моему Бонни относится неплохо. И Бонни его любит – как уже говорилось, Бахчиняна любят все. Ашот тут же взволновался, стал расспрашивать меня о здоровье собаки и к концу разговора уверился, что я кристально честна и искренна с ним и вообще друзей никогда не обманываю. Правда, они с Твороговым очень быстро выведут меня на чистую воду, когда обнаружат на этой фотографии мои отпечатки пальцев. Образцы-то у них в базе имеются – у меня сняли отпечатки, когда я была главной подозреваемой в убийстве любовницы моего бывшего мужа...

И тут у меня мелькнула спасительная идея.

– Дай-ка посмотреть, вроде я этого мужика знаю! – проговорила я и, пока Бахчинян не успел опомниться, выхватила у него фотографию.

– Ты что, Вася-джан! – завопил Ашот. – Отпечатки! Там же могут быть отпечатки убийцы... то есть могли быть...

Он схватился за голову и в ужасе смотрел, как я лапаю его драгоценный вещдок.

– Ничего с ними не сделается, – ответила я хладнокровно и вернула ему фотографию. – Вы мои отпечатки отбросите, а те, что останутся, сверите по своей базе!

Теперь от себя я опасность отвела: увидев на фотографии мои многочисленные отпечатки, они нисколько не удивятся и не придадут этому факту значения.

– Нельзя так, Вася-джан! – произнес Бахчинян с детской обидой в голосе. – Это же все-таки не фигли-мигли какие-нибудь, это вещественное доказательство! Ты же должна понимать, ты ведь профессионал... почти. Ну, ты хоть узнала мужчину на фотографии?

– Нет, – ответила я на голубом глазу.

– Ну, смотри! – проговорил Ашот и обратился к присутствующим: – Никто случайно не знает этого мужчину? Того, кто на фотографии рядом с потерпевшей?

Офисные девушки, которые роились в коридоре, кинулись на этот зов, как мотыльки на свет фонаря. Впереди всех оказалась моя знакомая Кристина. Она потянулась было за фотографией, но Ашот после моей хулиганской выходки был настороже, он близко никого не подпустил и в руки фотографию не дал, чтобы сохранить оставшиеся на ней отпечатки пальцев.

Но она и так все хорошо разглядела и уверенно заявила:

– Это Уколов из «Человека года»!

– Кто? – переспросил Бахчинян и схватил свой знаменитый блокнот. – Какой человек?

– Человек года! – повторила Кристина и вкратце объяснила Ашоту, кто такой Арсений Уколов и чем занимается его подозрительная контора.

– Покажите мне его офис! – потребовал Бахчинян.

Но показывать ему офис Уколова не понадобилось: в коридоре появился Арсений Михайлович собственной персоной.

Увидев толпу перед офисом номер триста десять, Уколов попятился и удивленно проговорил:

– А что здесь происходит?

– Это он, он! – в один голос закричали офисные красотки.

Арсений испуганно озирался по сторонам. Тут к нему подошел Ашот Бахчинян, решительный и суровый, как никогда, и полным металла голосом проговорил:

– Гражданин Уколов?

– Да, я Уколов, – ответил Арсений таким тоном, как будто признавался в убийстве с отягчающими обстоятельствами. Впрочем, очень может быть, что к этому и шло.

– Как близко вы знали гражданку Болотникову? – спросил Ашот Уколова.

Хотя ситуация не благоприятствовала чувству юмора, я не смогла не отметить, что у Царевны-лягушки была очень подходящая фамилия.

– А кто это? – удивленно осведомился Арсений.

– Бесполезно отпираться! – прогремел Бахчинян. – У нас есть неопровержимые доказательства вашего знакомства с Болотниковой! – И он продемонстрировал Уколову все ту же фотографию из мексиканского ресторана.

Уколов потянулся к фотографии, но Ашот ее отдернул и грозно прикрикнул:

– Руки прочь от вещественных доказательств! Здесь могут быть ваши отпечатки! Теперь-то вы не станете отрицать, что знакомы с потерпевшей... то есть были знакомы!

Арсений рассмотрел снимок, и лицо его вытянулось:

– Ах, так вы говорите про Анфису... ну да, я ее, конечно, знаю. А что с ней случилось?

– Вопросы здесь задаю я! – ответил Ашот в лучших традициях милицейских сериалов.

Тут мне пришел в голову вполне очевидный вопрос: почему Бахчинян работает один, без своего напарника Леши Творогова? Обычно они всюду ходят парой, как Том и Джерри, Дольче и Габбано, водка и огурец, селедка и подсолнечное масло, любовь и розы, смех и слезы и так далее. Они вместе ловят преступников, вместе обедают, вместе пьют кофе в уютном подвальчике на углу Среднего проспекта и Седьмой линии, вместе проводят допросы подозреваемых.

Причем на этих допросах они применяют старую, испытанную методику – игру в доброго и злого следователя. И роли у них распределены раз и навсегда – мрачный Творогов играет злого следователя, а жизнерадостный Бахчинян – доброго.

Сегодня же Творогова по непонятной причине не было, и Ашот Бахчинян отдувался за двоих – то он был в своем обычном амплуа доброго следователя, то изображал злого, что у него получалось не очень убедительно.

– Вопросы задаю я! – повторил Бахчинян. – В каких отношениях вы были с потерпевшей Анфисой Болотниковой?

– Никаких отношений у нас не было! – поспешно отмежевался Уколов. – Ну, пообедали вместе...

– Они в последнее время каждый день куда-то вместе ходили! – донесся вредный голос из рядов офисного планктона.

– Ну да, мы несколько раз вместе обедали... – признался Уколов неохотно. – Чисто по-дружески...

– У вас была интимная связь? – в упор спросил Бахчинян.

– Нет! – Уколов перекосясь, как будто съел целый лимон, и замахал руками. – Не было!

– Но вот эта фотография... – начал было Бахчинян, но в его голосе не было прежней уверенности.

– А что фотография? – забормотал Уколов. – Ну да, мы обедали вместе в мексиканском ресторане, но это ничего не доказывает!

– А кто вас там сфотографировал?

– Понятия не имею! – Уколов недоуменно развел руками. – Я не заметил никого с фотоаппаратом. И потом, может быть, вы все же скажете, что случилось с Анфисой? Почему вы все время говорите о ней в прошедшем времени?

– Потому что ее убили! – выпалил Ашот и тут же добавил: – Но вопросы здесь задаю я!

– Убили? – Лицо Уколова еще больше вытянулось. – Надо же... кому она понадобилась... то есть, извините, я не это хотел сказать. Кому она помешала? Она была такая безобидная...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.